

Дегтярев А.К., Черноус В.В. 2011. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса. — *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. № 3. С. 16–20.

Дубровин Н. 1871. *История войны и владычества русских на Кавказе*. СПб.: Типография Департамента уделов. Т. 1. 656 с.

Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. 1991. М.: Высшая школа. 475 с.

Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. 1990. Ростов н/Д: Русская энциклопедия. 400 с.

Кавказский сборник. 1883. Тифлис. Т. 7.

Карамзин Н.М. 1998. *История государства Российского*. В 12 т., 4 кн. М.: Рипол-классик. Т. 7.

Карлгоф Н. 1860. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря. — *Русский вестник*. № 8. С. 522–526.

Ольшевский М.Я. 2003. *Кавказ с 1841 по 1866 г.* СПб.: Звезда. 607 с.

ЗУБОК Юлия Альбертовна — д.соц.н., профессор; заведующий отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН (119991, Россия, г. Москва, Ленинский просп., 32а)

ZUBOK Julia Albertovna, Dr.Sci.(Soc.), Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences (Leninskij prospekt, 32a, Moscow, Russia, 119991)

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

TRADITIONAL AND MODERN ELEMENTS IN THE SOCIAL AND POLITICAL IDENTITY OF YOUTH

Известно, что эволюция социальных институтов и регулируемых ими социальных взаимодействий движется в направлении от традиционных к современным. При этом в современном обществе, отличающемся процессами либерализации и эмансипации молодежи, ее взаимодействие с политическими институтами диктуется уже не только признанием их прав на тотальное управление и собственных обязанностей безоговорочного подчинения. Пространство личных решений молодежи в отношении форм, способов и социально-политических предпочтений, а также свободный выбор референтных образцов расширяется. Судить об особенностях формирования идентичностей молодежи в сфере социально-политических отношений можно на основе сравнительного анализа ценностей в межпоколенческом разрезе: в сравнении ценностей молодого поколения (18–29 лет), поколения родителей (40–59 лет) и дедов (старше 60 лет)¹. Каждая из выделяемых социально-демографических групп отличается собственным социально-политическим опытом и интериоризирует особый набор ценностей, норм и стереотипов, определяющих характер ее политических идентификаций. Поэтому выявление общего и особенного в их сознании позволяет выявить более или менее устойчивые предпочтения, составляющие так называемое социокультурное ядро в структуре социально-политических идентификаций.

¹ Исследование проведено отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г. Выборка рассчитывалась на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах 13 субъектов Российской Федерации. N=1301 чел. Доля молодежи в возрасте 18–24 года составила 14%; 25–29 лет — 11%. Руководители исследования Ю.А. Зубок и В.И. Чупров.

Значимым показателем направленности социально-политических идентификаций является образ власти, существующий в сознании молодежи. Учитывая различие традиционной и современной политических культур, показателями ценностного отношения к власти будут являться следующие дихотомии: единовластие – разделение властей, персонификация – деперсонификация, иерархичность – нивелирование иерархии, централизация – децентрализация. При этом единовластие, персонификация, иерархичность и централизация соответствуют традиционным образцам властных отношений, а разделение властей, деперсонификация, нивелирование иерархии и децентрализация – современным.

Как показывают данные исследования, большинство россиян (72,6%) считают, что в стране должен быть «сильный лидер, умеющий сосредоточить в своих руках всю полноту власти», тогда как за существование сильных политических партий выступает лишь 17,5% респондентов. Это говорит о преобладании идеи единовластия в представлении россиян. Самая значительная доля сторонников единовластия (79,1%) – среди старшего поколения (60 лет и более), полнее других унаследовавшего традиционную политическую культуру. Среди молодежи в возрасте 18–24 лет меньше сторонников единовластия (65%) и больше приверженцев сильных политических партий (24%), т.е. разделения властей. Однако в старшей возрастной группе молодежи (25–29 лет) значения оценок приближаются к общему распределению.

Ориентация на «сильную руку» является основой социально-политической консолидации вокруг национального лидера для 65,5% россиян. Только четверть российских граждан (24,7%) возражают против единовластия («нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека»). Большинство молодежи также разделяет идею «сильной руки», хотя и в меньшей степени по сравнению с родительским и дедовским поколениями (59,6% среди 18–24-летних и 61,4% среди 25–29-летних молодых людей).

Как видим, несмотря на процессы демократизации и либерализации, демократическое сознание в народе не возобладавало, в противном случае противников единовластия было большинство. В нем преобладают традиционные воззрения на власть, которые продолжают воспроизводиться молодым поколением.

Идея централизации управления превалирует с существенным перевесом (52,4%) над идеей самостоятельности регионов (38,5%). Здесь также выделяются лица старше 60 лет (57,9%). Для младшей возрастной группы (18–24 года) централизация в меньшей степени определяет направленность идентификации с властью. А доля сторонников децентрализации – самостоятельности регионов – (47,5%) превышает долю сторонников централизации власти (43,2%).

Доминирование персонифицированного отношения к власти (70,8%) над деперсонификацией (24%) выражается в том, что в коллективном сознании власть связывается больше с личностью руководителя, чем с правовым статусом власти. На это в большей мере ориентированы женщины – 72,4%, молодежь младших возрастных групп (18–24 года) – 73,8% и представители старшего поколения (60 лет и более) – 74,7%.

О проявлении традиционных ориентаций в политической идентификации россиян говорит их восприятие вертикали власти. Почти половина россиян, включая молодежь, считают, что законодательная власть должна подчиняться исполнительной власти: парламент – президенту (49,3% в общем распределении, 53% в группе 18–24 года, 47,9% – 25–29 лет), областная дума – губернатору (42,8%, 48,6%, 38,3% соответственно), городская дума – мэру (42,7%, 49,2%, 37,9% соответственно). Характерно, что число сторонников вертикали власти больше среди женщин и заметно повышается с возрастом, за исключением лиц старше 60 лет. Противоположных суждений – о независимости законодательной власти от исполнительной – заметно меньше. В данном аспекте проявляется даже не столько низкая правовая и политическая культура – элементарное незнание закона, сколько специфика традиционных ценностей в сфере политических отношений, выступающих основой социально-политических идентичностей.

Как видим, в политической идентификации россиян сталкиваются нормы совре-

менного и традиционного общества. Причина данного противоречия состоит в том, что характеристики власти современного общества не выросли естественным путем на российской почве, а были позаимствованы извне. Когда властные отношения органично развиваются в соответствии с доминирующей политической культурой того или иного общества, формируется базовый образ власти, способствующий воспроизводству ее реальной структуры. Но если волевым решением принимается новая форма или структура власти, возникшая в лоне другой политической культуры, включается социокультурный механизм адаптации привнесенной структуры в соответствии с мировоззренческими установками политической культуры общества-реципиента. В данном случае существующий в нем социокультурный код выступает своеобразной «иммунной системой», поддерживающей общество в состоянии равновесия и стабильности, а значит обеспечивающей необходимый уровень консолидации.

Сложившийся образ власти непосредственно влияет на политические ориентации различных поколений россиян. Наивысшие значения принадлежат суждениям: «В нашей стране, нашему народу нужно сильное государство с сильной армией и службой безопасности» (K = 6,45 балла); «В нашей стране тяжелая промышленность и машиностроение должны быть в собственности государства» (K = 6,14 балла); «Иностранный капитал не должен иметь возможность покупать в России землю и заводы» (K = 5,78 балла). Все три суждения отражают государственническую ориентацию граждан. Стремление к сильному независимому государству традиционно присуще национальному характеру россиян. Эта традиция была унаследована в коммунистической идеологии, определяя направленность советской государственной политики на протяжении XX в. Не случайно в большей степени она сохраняется в идентификационных структурах средних и старших возрастных групп, а также среди женщин, более ориентированных на стабильность, которую они связывают с сильным государством (K = 6,67), независимым от иностранного капитала (K = 5,80). Разделяет приоритет государственнической позиции и большинство молодежи, хотя в абсолютном выражении значения их оценок ниже общего распределения. Ориентация на сильное государство с сильной армией и службой безопасности занимает первое место среди других политических ориентаций молодежи (K = 6,20).

Вместе с тем четко прослеживается влияние демократических ориентаций на ценностные представления россиян. Респонденты высоко оценили суждение: «Не только президент, но и губернаторы должны избираться прямым голосованием всего народа» (K = 5,77), отражающее традиционную демократическую ориентацию. После государственнической она занимает вторую позицию. Среди ее сторонников можно выделить мужчин (K = 5,83), молодежь младших возрастных групп (K = 5,93) и лиц старше 60 лет (K = 5,85). Это свидетельствует, что демократизм власти становится значимой характеристикой отношения к ней не только среди молодежи, но и в старшем поколении. На это же указывает следующее суждение: «В России власть президента должна быть ограничена парламентом, следящим за правильностью его решений» (K = 5,1 в общем распределении; K = 4,99 среди молодежи младших возрастных групп; K = 5,08 – 25-29 лет).

На фоне такого сочетания традиционных и демократических ориентаций стремление к радикализации демократических взглядов не прослеживается. Радикально-демократические взгляды («Победа на выборах демократических лидеров поможет России выйти из кризиса») занимают последнее место в структуре политических ориентаций молодежи (K = 4,21 в общем распределении; K = 4,19 среди молодежи).

Среди радикально настроенной части населения выделяется поколение 30–39-летних граждан (K = 4,36), самый активный период политической социализации которых пришелся на 90-е гг. Именно эта группа населения с большей вероятностью идентифицируется с несистемной оппозицией, в отличие от всех остальных, больше склонных сплотиться вокруг национального лидера, выражающего их интересы.

Современные индивидуалистические ориентации несколько снижают свои

позиции в структуре идентификаций россиян в целом: «В жизни каждый человек должен полагаться только на себя (K = 5,28) и «Каждый человек должен самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, а не ждать помощи от государства (K = 5,15). При этом они в большей степени присущи молодежи старших возрастных групп (25–29 лет) – K = 5,32 и среднему поколению – K = 5,32 и K = 5,26 соответственно, т.е. наиболее экономически активной и квалифицированной части населения. Эти социально-демографические слои интериоризировали социокультурные образцы современного индивидуализированного общества, поэтому для их консолидации скорее потребуются создание структуры возможностей для самостоятельного конструирования ими своих жизненных стратегий, что будет стимулировать конвергенцию их личных интересов и интересов общества.

Тот факт, что в целом либерально-демократические ориентации заметно уступают государственным и традиционно-демократическим объясняет отсутствие поддержки со стороны большинства населения либерально-демократических реформ, осуществляемых в постсоветский период, а также тех политических партий и движений, которые делают на них ставку.

Национально-патриотические ориентации в политическом сознании россиян также занимают значимые позиции. При этом крайняя форма их выражения («Россия должна восстановить свои границы, вернуть себе территории, утраченные после распада СССР») придает образу эмоционально-чувственный характер, что активизирует деятельностные аспекты консолидации. Особенно это проявляется в средних и старших возрастных группах, т.е. в родительском и дедовском поколениях (среди 40–49-летних K = 5,36; среди 49–59-летних K = 5,37, среди 60-летних и старше K = 5,46), оказывающих влияние на молодежь (K = 4,96 в группе 18–24 года; K = 5,01 – 25-29 лет). Не удивительно, что возвращение Крыма стало неподдельным консолидирующим фактором и в известной степени причиной подъема духа значительной части россиян, включая молодежь.

Эмоционально выражая национально-патриотические взгляды, большинство россиян вместе с тем не одобряют национализм. Суждение: «Россия – это государство, прежде всего, русских», свидетельствующее о националистических ориентациях его сторонников, респонденты оценили в 4,35 балла по 7-балльной шкале. Здесь выделяется молодежь в возрасте 18–24 лет (K = 4,54) и среднее поколение (30–39 лет) – K = 4,55. Однако даже среди молодежи это самые низкие значения оценок из всего спектра высказываний. Но при этом они выше, чем радикально-демократические (K = 4,21 в общем распределении и K = 4,19 среди молодежи). Как видно, даже в условиях правового преследования ксенофобии она для россиян, включая и молодежь, более предпочтительна, чем победа на выборах кандидата от радикальных демократов. Из этого следует, что эксперименты 90-х гг., а также оголтелый либерализм ряда нынешних политиков и СМИ ассоциируется больше с развалом страны, экономическими и социальными лишениями, унижением национального достоинства. В то же время средневзвешенные коэффициенты со значением выше среднего не дают права говорить о полной дискредитации демократических идей в сознании российской молодежи. На данном этапе корректнее заявлять о смене повестки дня, нежели об откате назад. Поэтому ошибочно делать ставку как на продолжение либерального курса в его наиболее радикальной форме, так и на реставрацию любых форм авторитаризма в молодежной среде.

Итак, россияне, включая молодежь, – преимущественно государственники. Они ориентированы на власть, избираемую демократическим путем, способную обеспечить сильное, независимое, демократическое государство. При этом государство мыслится как надежда и опора, а вовсе не как противник, с которым призвано бороться гражданское общество, в соответствии с либерально-демократической концепцией.

Сильное государство, по мнению россиян, предполагает централизацию власти. Каждый второй (48,3%) считает, что «Россия будет сильной, когда президент сосредоточит в своих руках всю полноту власти». И 50% выразили твердую уверенность, что «на сегодняшний день в России надо продолжать укреплять вертикаль власти». Лишь 15,6% респондентов не согласны с таким мнением, остальные затруднились с

ответом. Очевидное противоречие между государственно-демократическими ориентациями в идентификации россиян свидетельствует о существующем противоборстве традиционной и современной моделей развития общества и государства.

Исторически сложившееся сосуществование в России двух типов социальной организации, базирующихся на традиционной и современной культурах, предопределили и соответствующие модели отношения к социальной реальности. Причем современная социальная организация приобрела в постсоветской истории институциональный характер, получив правовое закрепление в Конституции и ряде законов. Если в традиционной модели отношения к реальности отражается объективный процесс воспроизводства базовых ценностей, то в современной – их обновление и развитие, которые во многом институционально регулируются. Способы регуляции должны учитывать наложение в сознании россиян в целом и особенно молодежи традиционных и современных идентичностей. Воспроизводство традиционных ценностей сосуществует с интериоризацией современных образцов в условиях глобализации. При этом современные ценности не вытесняют традиционные, а встраиваются в них, давая путь новым интегрированным гибридным ценностям. Поэтому эффективное регулирование скорее должно походить на маневрирование между этими двумя значимыми трендами и избегать любой из крайностей. Только в этом случае возможна подлинная гражданская консолидация.

*Материалы подготовила Елена Сергеевна КУКВА,
к.соц.н., ученый секретарь НИИ комплексных проблем
Адыгейского государственного университета*